

Атнер П. Хузангай. От волны со звездой

Малалла-ха пурнӑс : малалла.
Эп пёртак чӑваш ятне сӑклесшӑн.
Ман юман пулса кашламалла,
Хунавран эп тивӗс писӗхмешкӑн.
Малалла-ха пурнӑс: малалла...
(1927)

Так писал молодой, 20-летний поэт Педэр Хузангай, когда он только-только покинул порог материнского дома, а впереди его ждала, убегала вдаль за линию горизонта большая дорога его жизни, которая прошла через бурные 20-30 годы, так много значившие в деле подъема национального самосознания и развития культуры родного народа. В этих строках, как всегда у настоящих поэтов, прозвучало предсказание своей личной и творческой судьбы. Эти пять строк словно высветило всю перспективу его будущего творчества, которое всегда было неразрывно было связано с исторической судьбой народа.

С каким же багажом, жизненным опытом, вошел в чувашскую поэзию юноша с пронзительным взором черных глаз и шапкой кудрявых волос? Начало начал - золотая пора детства:

«Я родился 9 (22) января 1907 года и оказался первым и последним ребенком у матери: «Единственный кусочек моей души!» (Ман ылтӑн сӑпкӑнӑм: ман иксӗлми сӗткен) - восклицала она потом, лаская меня. В ее устах - это были самые нежные слова... Бабка-повитуха, недовольная тем, что мать родила в больнице, сделала символический обряд обрезания пуповины над острым топором и сказала: «Быть тебе плотником!».

...Я не стал плотником, а к плотникам, как и к другим мастерам - кузнецам, портным, печникам, - мой народ всегда относился с большим уважением. Не сбылось предсказание бабки-повитухи и это поколебало веру моей матери в магическую силу знахарства. Мать мне часто с улыбкой говорила потом: «Ты, наверное, в первый же свой день услышал мою песню и вздумал сам потягаться со мной».

Мое родное село называется Сиктерме, что в переводе означает качалку для колыбели. Качалку эту делали из гибкого дерева, чаще всего - из черемухи. Длинный шест одним концом упирался в потолок избы, на другом конце висела колыбель из липы или вяза.

Сгибаясь и выпрямляясь при качании, шест заменял пружину. По берегам речек Сиктерме и Енче, у слияния которых расположено село, действительно буйно цвела черемуха, перевитая диким хмелем. Это было глухое место бывшей Казанской губернии.

Село находилось в центре целого куста чувашских селений, своеобразного чувашского островка, окруженного морем татарского и русского населения... В пятидесяти верстах к северу-востоку от нас находился когда-то известный город Волжской Булгарии Пүлер (ныне Билярск), в двадцати верстах к западу - другой город Сăвар (Сувар), а на расстоянии девяноста верст к северу-западу, близ Волги - знаменитый «великий город» Пăлхар (Булгар).

...Там устраивались шумные языческие празднества с жертвоприношениями, с поминовением усопших, с хороводами и играми молодежи. В песнях слышались имена царя болгар Алмуша, мужественного патриота Пүлера Валема-хузя. Историческая память народа обволакивалась причудливыми легендами и преданиями...

Жизнь шла своим чередом. Семи лет я уже скакал верхом на коне без седла, без стремян, ездил в ночное... Как все мои сверстники, я полел в поле просо, дергал коноплю и лен, жал рожь. На пальцах левой руки до сих пор у меня шрамы от острого серпа. Пойдет кровь - посыплешь перегретой под палящим солнцем землей и продолжаешь жать. Земля считалась священной, и приписывать ей какие-то козни и злодеяния - это в представлении хлебороба-язычника было кощунством. А старшие нас утешали: «Кто плачет над снопом - тот смеется за столом!».

...Так и качало меня Сиктерме в зеленой колыбели окружающих лесов и лугов».

Еще было восемь классов сельской школы, первые попытки слагать стихи, рукописный журнал, чтение шедевров родной поэзии по первой в истории чувашской литературы антологии «Сказки и предания чуваш» (1908), изданной великим просветителем, патриархом чувашской нации И. Я. Яковлевым (1848-1930)... Большую роль в становлении поэта сыграла Наталья Яковлевна Яковлева, выпускница Симбирской чувашской школы, которая была первой учительницей поэта... Далее Чувашский педтехникум в Казани, первые публикации в журнале «Сунтал», альманахе «Утăм» и других изданиях. Увлечение есенинским напевным стихом, к нему он чувствовал близость и по своему крестьянскому происхождению. «Бросок на юг» - первая поездка по стране: Средняя Азия, Туркмения, Баку, Кавказ... И снова Казань. Хузангай - студент Восточного педагогического института (1927-1930), член казанской ячейки Союза чувашских писателей «Канаш». Он с увлечением слушает лекции маститого тюрколога Н. И. Ашмарина, известных чувашских ученых -

языковеда В. Г. Егорова и этнографа, историка профессора Н. В. Никольского, культуролога Г. И. Комиссарова-Вандера, общается с поэтами - кумирами татарской молодежи Аделем Кутуем, Хади Такташем и Хасаном Туфаном. Зимой 1928 года происходит знаменательная встреча с Владимиром Маяковским. В том же году была опубликована первая книга Хузангая «Уяртсан» («Когда прояснится...»), которая наряду со стихами В. Митгы, В. Рзая утвердила в чувашской поэзии школу Мишши Сеспеля (1899-1922), реформатора чувашского стиха, «огненного ангела» чувашской поэзии.

По «всей своей строчечной сути» П. Хузангай прежде всего был поэтом-лириком. Его лирика накатывается большими волнами-циклами на берег чувашской поэзии, начиная с середины 20-х годов. Первая волна - это циклы «Савни» («Любимая»), «Хура пёркенчĕк» (Черная чадра), «Кăнтăр кĕввисем» (Южные мотивы), поэмы «Сирĕм улттă» (Двадцать шесть), «Хури». В них предпринята попытка развить и углубить само понятие лирического, ввести в лирику конкретные факты биографии и впечатления от первых «путешествий» (странствий). Бурно и стремительно проходило становление поэта. Его ранние стихи и поэмы вызывают яростные критические перепалки, столкновения разных мнений. Течение в поэзии, к которому принадлежал Хузангай, характеризовалось критикой того времени как «националистическое» и «упадническое» одновременно. Вот одна из таких критических оценок: «... те же черты, что и в юманизме (от имени видного общественного деятеля и писателя Метри Юмана - А. Х.), «отличаясь», пожалуй, чрезвычайно сильными настроениями упадочничества, богемщины, порнографизма и т.д. Здесь, как и в творчестве нацдемовщины, мы видим отрицание классовой дифференциации среди чувашей, уход от советской действительности в «прекрасное» прошлое Булгарского царства, попытки противопоставить это прошлое советской действительности, стремление представить советскую действительность в исключительно мрачных тонах. Для Хузангая и его последователей характерна ориентация на буржуазную культуру Запада (...). Борьба против «хузангайщины» уже в первый свой период явилась началом борьбы против национал-демократизма в литературе» («Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. М., Соцэкгиз, 1933, С. 166, 181»)

20-е годы, время, мчащееся вперед, несущее необратимые изменения, способствовали быстрому человеческому возмужанию и творческому самоопределению личности. Достаточно сказать, что 27-летним Хузангаем уже было издано семь оригинальных книг стихов и две переводных (поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Во весь голос»), при чем пять из них были опубликованы Центриздатом народов СССР в Москве. К началу 30-х годов имя Хузангая становится широко известным и за пределами республики.

Будучи корреспондентом чувашской газеты «Коммунар», выходившей в Москве, поэт побывал на строительстве Магнитки, Горьковского автозавода, у шахтеров Донбасса. В отличие от напевной лирики раннего периода, стихи 30-х годов большей частью были выдержаны в ораторско-публицистическом стиле, представляя собой горячий, живой отклик поэта на международные события и взволнованный комментарий к фактам действительности внутри страны. Пронзительно ощущая новизну происходящего вокруг, чувашский поэт недаром обращается к футуристической поэтике Маяковского. Наиболее удачно эти стиховые принципы воплотились, пожалуй, в «Сегодняшней поэме» (1930) и поэме «Магнитту» («Магнит-гора», 1932). Последнее произведение, новаторское во всех отношениях, открыло в чувашской литературе новую тему и новые подходы к организации поэтического языка. Вот как оно представлялось широкому читателю: «Поэма - широкое полотно, отражающее громадную работу, проделанную многотысячной армией строителей Магнитки в период сооружения гиганта (...). Инженеры, рабочие, техники, комсомольцы, крестьяне, впервые пришедшие на огромную стройку из глухих деревень, - ударники и вредители, иностранцы и степные кочевники - одним словом, все огромное человеческое море, которое переливалось на площадке строительства, - таков типаж поэмы - единственного произведения чувашской литературы, посвященного производственным темам и являющегося по своим чисто литературным достоинствам выдающимся событием».

В это же время поэт обращается к «высокому искусству» перевода. Это «Евгений Онегин», «Полтава», отдельные лирические стихотворения Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, стихи Лермонтова, Шевченко, Тычины, Рыльского, Бараташвили, Блока, Леонидзе и многих других. В последнее десятилетие своей жизни в связи с развитием болгаро-чувашских литературных связей Хузангай особенно много переводил болгарских поэтов. Он мечтал увидеть на родном языке бессмертный шедевр Руставели «Вепхисткаосани» («Витязя в тигровой шкуре»), для чего серьезно углубился в изучение грузинского языка и культуры (были уже опубликованы начальные главы поэмы). Надо ли говорить, что это творческое приобщение к мировой поэзии и разным поэтическим индивидуальностям стало и для самого Хузангая неповторимой школой мастерства.

Вторая волна хузангаевской лирики приходится на «сороковые, роковые...». Поэт вступил в ряды защитников Родины в апреле 1942 года. Начал войну рядовым солдатом Донского фронта, который затем соединился со Сталинградским, участвуя в окружении армии генерала Паулюса. Был политрабработником, литературным сотрудником ряда дивизионных газет. Публикуя свои корреспонденции и стихи, он часто их подписывает псевдонимом Сувар, тем самым возвращаясь к славному историческому имени своего народа.

Военная лирика, одно из самых пронзительных произведений этих лет - поэма «Таня» (1942), которая выросла из непосредственного переживания, отклика на трагическую судьбу Зои Космодемьянской, и роман в стихах « Аптраман тавраш» (Род Аптрамана), начатый еще в предвоенные годы - занимают важное место в его творчестве. Судьбы основных героев романа также проходят через горнило войны. Особую привлекательность этому эпическому произведению придает то, что автор все время находится рядом с героями, живет их горестями и заботами, радуется вместе с ними. «Сквозь разгул канонад...» поэт слышит мелодию и тембр родной речи, ее нежный и щемящий душу напев.

Позднее «Род Аптрамана» получил высокую оценку в отечественной словесности, у болгарских и венгерских писателей. «Мы считаем книгу Педэра Хузангая «Семья Аптраман» одним из лучших произведений современной литературы... От всего сердца поздравляю нашего прекрасного друга и брата Педэра Хузангая с книгой-эпопеей, которая высоко возносит славу благородного чувашского народа», - писал известный болгарский поэт Ангел Тодоров. «На простом, чистом, традиционном для чувашской литературы языке с творческим использованием, прежде всего сокровищ чувашского фольклора рассказывается о прошлом и настоящем чувашского народа. Это - чувашский национальный эпос, героем которого, в сущности, является не только семья, но и сам народ, полтора столетия жизненного пути которого с историческим поворотом в будущее раскрыты перед нами с большой художественной силой», - так писала венгерская критика.

...Поэт проходит выжженные поля Украины, участвует в освобождении Польши от фашистского ига (Брянский, 2-й Белорусский и 1-й Украинский фронты). В 1944 году он был тяжело ранен.

«...Вспоминая свой жизненный путь, невозможно обойти годы войны. Я думаю, каждый мой современник нет-нет, да и оглядывается на эти испепелявшие душу годы, независимо от того, заполняет ли он сухую анкету или поверяет свои сокровенные мысли близкому человеку...» - так признается Педэр Хузангай позднее.

И уже никогда не оставит его тема войны, как всенародного горя, которое, словно незаживающая рана ноет и дает о себе знать в самой глубине сердца. Педэр Хузангай будет ощущать себя солдатом мира, обязанным сражаться «и за Гёте, и за Данте, и за кровь детей». А чувство побратимства, в самое трудное время на фронтовых дорогах, будет одним из самых светлых для поэта.

Еще шире распахнулся окоём П. Хузангая и всего его творчества в 50-60 годы... Это было время, когда еще раз, по-новому, в послевоенной радужной дымке открывались поэту просторы страны, и впервые маршруты его поэтических путешествий пролегли в зарубежные страны. Известный литературовед М. Я. Сироткин отмечал, что именно в послевоенное десятилетие в хузангаевской поэзии происходит органическое слияние лирической напевности и живой народной речи, лирического начала и публицистических элементов стиля. Такие циклы, как «Я живу в России», «Сиктёрме», «Савнă çёр: Чăваш Çёршывё» (Любимая земля, Чувашия моя), «Вăхăт туйăмё» (Чувство времени), «Кун-çул тўпинчен» (С вершины лет), «Поэзи сиплĕ силĕ» (Целебный ветер поэзии), многие лирические поэмы и сонеты показывают, что творчество поэта все сильнее тяготеет к п о э з и и м ы с л и, к жанру философской, размышляющей лирики. Но, как отмечает тот же исследователь, это «не было, как у древних оракулов, уединенным размышлением о философских вопросах бытия, поэт вместе со всем народом широко и глубоко задумывается над текущей жизнью. Вдохновение поэта согласуется с народным чувством. Недаром в известном сонете он сравнивает народ с могучим дубом, а про себя говорит: «Юман-аттем! Эп - санăн йĕкелĕ!» («Дуб-батюшка! Я - желудь твой»).

В 1950 году Педэру Хузангаю было присвоено высокое звание народного поэта Чувашии. Творчество П. Хузангая отмечено Государственной премией имени К. Иванова (1967) и премией Чувашского комсомола имени М. Сеспеля (1969).

В 60-е годы в хузангаевской поэзии начинает в полную силу звучать интернациональная тема. Новые страны и люди, новые впечатления легли в основу таких циклов как «Румынири май» (Румынский май), «Кĕл-чечек çёршывĕн йăл кулли» (Улыбка страны роз), «Кавказ сăввисем» (Кавказские стихи): «Пăлхар ярамĕнчен» (Из болгарского ципла): «Инçе вĕсев» (Дальний полет). Но в это же время поэт публикует своего рода чувашский кодекс этики и мировоззрения - «Тилли юррисем» (Песни Тилли), написанных еще в 1933-40 гг. и с которыми он обращается к своим современникам и опять возвращается к чистому источнику - народной песне. Это произведение вскоре стало одним из самых признанных у чувашского читателя и было с большим воодушевлением встречено коллегами. Суммируя разные суждения о «Песнях Тилли», В. Я. Канюков отмечал: «...Каждая песня здесь живет как часть целого, как деталь единого образа - лирической биографии человека из народа... И стихом, его ритмом, его строем здесь также движет начало, идущее от всеобщей монолитности... Это лирический монолог человека, обремененного грузом жизненной мудрости. Монолог-размышление, монолог-исповедь, где вырисовывается нравственный портрет уже не одной личности, а целого народа, монолог-завещание потомкам. Получилась

книга - свод народной мудрости, народной истории, пропущенной через народно-песенную философию».

Другим пиком зрелого творчества поэта стал цикл «Хушка хумсем» (Вздыбленные волны) (1963). С вершины лет Хузангай оглядывается на исторический путь, пройденный народом, строго и взыскательно оценивает свой вклад в поэзию. Еще и еще раз задумывается над тем, что он вечный должник у народа, преклоняется перед мудростью и величием народной песни. Мечтает о грядущем новом поэте, желает себе достойно встретить свой последний час. И «чтоб на чувашском языке была сделана надпись на могильном камне...». Этот цикл можно воспринимать как своего рода завещание - поэтический завет. Поэт предельно искренне говорит о самом важном, выстраданном. Говорит прямой речью, со всем мужеством чувашского патриота.

На большом пути преграды

Одолев в труде, в борьбе,

Сам себе народ награда,

Сам и памятник себе.

Помню время бед и слез,

С клятвой землю поцелуем:

В зной, и в слякоть, и в мороз

Были мы, и есть, и будем!

Все его лишь мерой меря,

В годы тягот и невзгод

Я писал о светлой вере

В древний добрый мой народ.

Знаю, скажет он со мной

«Одолев и мрак и сутемь,

Вечно на груди земной

Были мы, и есть, и будем!»

(Эпир пулнă, пур, пулатпăр! - 1962)

Поэтический мир Педэра Хузангая - это пространство, в котором звучат самые разные голоса, есть следы чувашского прошлого, живые приметы современности - XX века, как он сам писал: «Эп - сирёммеш ёмёр сынни // Сараймап кун-сул чиккине...», есть события новой чувашской истории, советской страны, мира, пропущенные через сердце, лица друзей, образы

городов и весей, в которых ему довелось побывать. В этом пространстве сосуществуют практически все поэтические жанры (от эпиграммы, короткого посвящения до романа в стихах), представлены и апробированы разные метры, строфика и ритмика и оно самоорганизуется вокруг личности поэта, его взгляда на мир, посредством индивидуального (хузангаевского) поэтического языка. П. Хузангай обозначал истоки традиции в чувашской поэзии именами двух гениев - Кесьтентина Иванова и Сеспеля Мишши, которые диалектически противостояли друг другу. Иванов - поэт классического типа, сотворяющий в поэме «Нарспи» чувашский космос, некое подобие божьего творения. Он гармоничен даже в трагическом. Сеспель - поэт романтик, мятежный *poète maudit*, восстающий против несправедливости мира, богоборец. Это как бы два полюса многомерной структуры чувашского поэтического Языка в целом. Хузангай же придерживался принципа «золотой середины». Избегая крайностей, постоянно держа в сознании образ Пушкина и его язык, как высочайший образец («Пушкин... Он меня заморозил давно и пожизненно. В нем - в поэте, человеке, в его многогранной личности - я всегда находил и нахожу ответы на самые волнующие вопросы: о свободе и необходимости, и долге и праве, и о ремесле и вдохновении, о жизни и смерти...» - Призвание это одержимость, 1964), осваивая опыт мировой поэзии, он пришел к своего рода универсальному языку, которому были подвластны самые разные темы, образы, интонации. Вот своего рода его поэтическое кредо: «...Я был убежден, что всякий большой поэт не может не быть народным трибуном и одновременно интимнейшим собеседником и даже советчиком в «науке страсти нежной» (Человечность, 1962). Язык Хузангай, как Протей, менялся в зависимости от того, в какой ситуации и к кому обращался поэт, но при этом всегда сохранялась печать его субъективности. Так, Хузангай одним из первых начал разрабатывать в чувашской поэзии «язык любви», освобождая его от расхожих клише и создавая новую эротическую идиоматику, он широко пользовался «деревенским» и «городским» языками, философским языком с фольклорно-афористическим («Тилли юрисем») и интеллигентским регистрами («Хушка хумсем») - цикл, поэма, а иногда и отдельное стихотворение требовали особого угла зрения и интонации. Василь Митта в 1956 году писал об этом так: «В развитии чувашской словесности я вижу пять столпов: Яковлев - Иванов - Ашмарин - Сеспель - Хузангай. Первые две открыли сокровищницу словарного запаса языка анатри, следующие за ними двое сумели придать этому богатому языку особый лад за счет речи вирьял, а Хузангай, вместе со своими современниками и молодежью, которые без всякого колебания приняли сеспелевские нормы, возвысил звучание чувашского стиха до вершин европейской культуры».

И в своей чистой лирике, и в лиро-эпических произведениях, и даже в произведениях, написанных для детей, Педэр Хузангай оставался верен своему кредо и старался поднимать «большие» темы в контексте Большого исторического времени: «призвание поэта и веление эпохи», «любовь и творчество», «народ и его герои», «гражданственность и интим», «поэт и власть». Его поэзия очерчивает круг знания, это своего рода «поэтическая энциклопедия», круг мыслей, чувств, сомнений и мечтаний, желаний и интеллектуальных устремлений чувашского поэта, человека и гражданина XX века:

Мёнпе илемлӗ кашни утӑм:
Мёнле чун туйнӑ тӗнчене –
Йӑлтах эп ӳкересшӗн пултӑм
Чӑрӑлекен чӑлхем ҫине?
(1927)